

Высокая фигура стояла в стороне, в выражении лица под тусклым светом едва различалась серьезность.

— Госпожа Цзянь, — его голос проникающе-холодный.

Я не знаю, как долго он там стоял, и также не знаю, как много, в конце концов, он слышал. Я не подавала голоса.

Просто-напросто на сегодня с меня уже действительно хватит. Настолько измотана моя психика, что нет сил на что-то еще. Я лишь хочу, чтобы он ушел, и игнорирую его, но, очевидно, это были лишь мои чрезмерные надежды.

Он подошел ко мне.

— Если можно, пожалуйста, госпожа Цзянь, я отправлю вас обратно домой, — сказал он низким голосом и через секунду добавил: — Сейчас.

Сейчас? Я нахмурила брови, подавляя внутреннее волнение.

— Господин Си, вы, кажется, забыли, но мы договаривались о встрече завтра.

Он вплотную смотрел на меня:

— Сейчас, я полагаю, вы свободны.

— Си Сичэнь, я вынуждена сказать, что ты, и правда, слишком самоуверен.

Он, будто не услышав, сразу добавил:

— Прошу.

Я немного разозлилась. Кого такая ситуация не выведет из себя? Я не понимаю, зачем он приехал сюда, раздражать меня? В этом на самом деле нет необходимости!

— Завтра днем я приеду, — я не стала дольше задерживаться, развернулась, открыла подъездную дверь и вошла.

— Твой отец завтра уедет в Сингапур.

Я мгновенно застыла на полпути!

Что он имеет в виду? Пусть скажет, что Цзянь Аньцзе уже не может в любое время приехать в дом, из которого ее выгнали. Что еще ему надо мне рассказать? Что, даже если я захочу увидеть собственного отца, у того самого отца может не быть свободного времени, чтобы увидеть меня?

Относительно Си Сичэня я вынуждена признать, что боялась его и... ненавидела, вплоть до сегодняшнего дня,. Да, ненавижу. Шесть лет назад, когда он ударил меня, в мгновение ока причинив колющую боль, в этом читалось его обвинение. Это принесло мне неотвязное чувство стыда.

Я повернулась к нему, на лице спокойствие. За шесть лет опыта, в конце концов, я натренировалась противостоять и миру, и фальши, не допуская, как в прошлом, что-то похожее на беспомощность.

— Если это так, тогда будь добр, передай отцу, что этим вечером ему не нужно тратить на меня свое время. Он завтра занят, и я завтра после обеда покидаю это место. Неважно, по какой причине он хочет меня увидеть и куда собирается ехать, я лишь напрасно приеду. Я думаю, ты, Си Сичэнь, будешь рад передать ему мои слова.

Как только я закончила говорить, как Си Сичэнь в три шага встал передо мной. Я не ожидала, что у этого мужчины такие быстрые шаги. Я не успела сразу отреагировать. Пока до меня доходило, что надо испугаться и отступить, он уже схватил меня за запястье.

— Что ты имеешь в виду? — его вид был устрашающим.

Приблизься ко мне Е Линь так, я бы пришла в замешательство, но передо мной был Си Сичэнь, что внушало страх и ужас.

Я пыталась высвободиться из его руки, но поняла, что его хватка очень крепка. Я будто была в западне.

— Отпусти руку.

— Отпустить руку? Разве он в том положении, чтобы просто случайно встретиться с тобой? — в его глазах был хорошо скрываемый гнев. Если бы он так пристально не смотрел на меня, я бы и не обнаружила это. Хотя я совсем не понимаю его негодования, даже не могу объяснить его себе. В конце концов, это я должна злиться, разве я не права?

— Я думаю, ты не в том положении, чтобы воспитывать меня!

Он смотрел на меня, его блестящие черные глаза подавляли.

Снова заговорив, он уже пришел в себя:

— Если я правильно понимаю, то ты, мисс Цзянь, имеешь в виду, что завтра возвращаешься во Францию?

— Почти, — завтра после обеда я еду в Шанхай повидаться с матерью, а послезавтра уже во Францию. Я не видела необходимости объяснять ему столько много.

— Почти? — его голос вновь стал заносчивым. — Тогда, мисс Цзянь, сегодня вечером ты определенно поедешь домой.

— Забавно! Не слишком ли много ты на себя берешь, говоря мне это своё 'определенно'?

— Юридически, я, считай, твой старший брат, — когда Си Сичэнь произносил эти слова, его голос был мрачным.

Это было так странно, что я еле сдержалась, чтобы не засмеяться.

— Не наседай на меня с этими никчемными связями! От услышанного блевать тянет!

— Супер! Меня тоже... — внезапный звонок его мобильного телефона прервал то, что он собирался сказать дальше, Си Сичэнь достал телефон из кармана и, глядя мне в глаза и нахмурив брови, ответил: — Да... хорошо.

Спустя пару минут он передал мне телефон:

— Твой отец.

Я посмотрела на него, потом на этот черный телефон. Прошло длительное время, прежде чем я взяла трубку.

— Аньцзе, я попросил Сичэня об одолжении, чтобы он забрал тебя. Ты сейчас можешь приехать? — говорил отец с такой незнакомой учтивостью, будто мы не родные люди.

Если бы не этот телефонный звонок, пятнадцатью минутами ранее я действительно рассчитывала не появляться дома. Столько разочарований в людях заставляют отказаться. Я до последнего не хотела понапрасну возвращаться туда еще раз, но если уж приехала, некоторые дела все же лучше завершить, чтобы на следующий день стало лучше.

Достав деньги, я передала телефон человеку передо мной. И направилась к воротам жилого комплекса, перехватывая такси.

Он догнал.

— Так ты решила?

Я наклонила голову набок, посмотрела на него и, улыбаясь, спросила:

— Разве не ты говорил, что я боюсь тебя? Признаюсь, да.

Си Сичэнь хотел что-то ответить, но, в конце концов, и рта не раскрыл.

Машина остановилась передо мной, и я нерешительно в нее села.

В машине я позвонила Пу Чжэну и предупредила его, потом удобно уселась и прикрыла глаза, чтобы хоть немного отдохнуть. В конце концов, по приезде мне придется иметь дело с тем, что окончательно вымотает меня.

Дом, в который я все еще не зашла.

Слуга открыл дверь. На этот раз он не выставил меня за дверь, а вежливо позволил мне войти, сказав, что господин Цзянь в своем кабинете.

Я подошла к двери кабинета на втором этаже, долго стояла, прежде чем постучать. Яркий свет, тщательно подобранная мебель и книги в шкафу — все это свидетельствовало о строгости и высоком статусе успешного бизнесмена. Мужчина средних лет стоял у окна и смотрел на меня. Мой отец, Цзянь Чженьлинь.

— Приехала, — в его голосе царила неестественность, — Аньцзе, папа столько лет не видел тебя... ты немало повзрослела. Все эти годы я просил тебя вернуться, но ты все не желала возвращаться. И в этот раз сказала, что едешь к матери, но в итоге согласилась приехать сюда и увидеться со мной. Ты хорошо трудилась все эти годы? — добросердечно спросил он, подходя ко мне.

— Вполне.

— Хочешь выпить чего-нибудь? Чаю или сока? Я попрошу, Линь Ма принесет тебе...

— Не нужно, спасибо, — не хочу увеличивать время пребывания здесь чашкой чая.

Он был так ошарашен моим равнодушием, что образовалось неловкое молчание, пока кто-то не постучал в дверь.

— Дядя Цзянь, — прозвучал низкий голос, открывая дверь.

— О, Сичэнь, ты вернулся, — Цзянь Чженьлинь не спросил ни меня, ни его, почему мы вернулись друг за другом. Он подошел к столу из красного дерева и сел за него, предлагая нам тоже присесть.

Я по-прежнему стояла и не двигалась, а Си Сичэнь, пройдя мимо меня, присел.

Цзянь Чженьлинь смотрел на меня, он взглядом несколько раз показал, чтобы я села, но я по-прежнему стояла, стояла очень ровно.

Долго вдыхая полной грудью, он сказал с бессилием в глазах:

— Аньцзе... — его губы дернулись. Вероятно, думал, как закончить. — Аньцзе, прости меня.

Я пребывала в небольшом шоке. Неожиданно для меня, он вот так просто извинился.

— Я действительно очень рад, что ты захотела сегодня приехать. На протяжении стольких лет меня мучили угрызения совести, что я никогда не выполнял отцовский долг и заставил тебя страдать вдали от дома.

Возможно, другие люди были бы тронуты, услышав эти слова, но я на то время, в ту минуту, была будто онемевшей.

— На самом деле, не стоит, — ответила я так же фальшиво, так же вежливо, так же словами хорошо воспитанного человека, что, в действительности, не относится ко мне, — вам не нужно извиняться, по меньшей мере, вы давали мне тратить деньги.

Лицо Цзянь Чженьлиня слегка сконфузилось, он несколько раз пытался открыть рот, чтобы что-то сказать, но так и не издал ни звука. В конце концов, он сказал: — Аньцзе, ты моя единственная дочь.

Из-за этой фразы я почувствовала в груди ноющую боль, и в итоге, не выдержав эту насмешку, сказала:

— Отец, я в курсе, что я твоя дочь, но, помимо меня, у тебя еще есть и сын, разве нет?

Изумление и смущение на лице Цзянь Чженьлиня были совсем не случайны, и если подумать — немного забавны. Я не хотела быть такой ужасной, но неоднократно причиненная мне боль заставляла чувствовать обиду.

— Тебе не следует так говорить, — пронесся звук.

Я улыбнулась:

— Неужели я должна получать твое согласие на то, что мне следует говорить и что не следует? Си Сичэнь, ты слишком много на себя берешь.

Он поднялся, нахмутив брови, и недобро посмотрел на меня:

— Ты поистине немало изменилась за эти шесть лет.

Прикусив губу, я обратилась к отцу:

— В конце концов, ты зачем-то хотел меня видеть? — спросила я, не желая больше впустую тратить здесь время.

— Аньцзе, на самом деле Си Сичэнь...

— Я проделала весь этот путь сюда не для того, чтобы говорить о нем, — холодно прервала я отцовское заявление, которое, кажется, было о Си Сичэне.

Цзянь Чженьлинь вздохнул и слегка кивнул Си Сичэню, затем посмотрел на меня серьезным взглядом, который было трудно понять.

После этого тот взял со стола папку с документами и подошел ко мне. Я вынудила себя стоять на прежнем месте и ждать, пока он ко мне подойдет.

Си Сичэнь передал мне документы. Я не протянула руку, чтобы взять ее, лишь только посмотрела на нее и увидела, что это был договор о передачи недвижимости.

— Мне это не нужно, — сохранять спокойствие стоило больших усилий.

— Аньцзе, мы тебе не нравимся... — будто он понимал, насколько неподобающе звучит это "мы". Сделав паузу, он продолжил с предусмотрительным выражением лица: — Тебе не нравится, что я и Шень... они живут здесь, я ... они могут быстро переехать в другое место, — последняя фраза была отрывистой.

Зачем он это сделал? Я ничего не высказала по этому поводу, лишь бесстрастно посмотрела на него.

— Аньцзе, все эти годы я очень сожалел, что после твоего отъезда во Францию не проявил никакой инициативы, чтобы хоть как-то связаться с тобой... ты же моя единственная дочь, — слова Цзянь Чженьлиня были слегка бессвязными.

Это действительно мой всемогущий в мире коммерции отец? Он сильно постарел за эти шесть лет.

В итоге я осталась, ненавистная мягкосердечность сломила ту решимость.

Я открыла глаза, когда первые лучи утреннего солнца пробились сквозь щель в занавесках. Прошлой ночью я плохо спала, но все же спала. Я посмотрела на знакомую обстановку передо мной: бледно-желтые стены и висевшие на ней пейзажные картины, которые я когда-то нарисовала, — все создавало у меня иллюзию, будто я вернулась в прошлое. По руке прошло приятное ощущение. Когда я повернула голову и посмотрела, в душе невольно испугалась и тотчас села.

Я, прищурившись, увидела свернувшегося клубком мальчика, который спал рядом со мной.

Это что за ситуация?

Я, сдержав зародившееся в сердце изумление и неприязнь, встала, взяла телефон и подошла к окну. Вдохнула два раза полной грудью и позвонила Пу Чжэну.

Как только я дозвонилась, сразу сказала:

— Мне нужно, чтобы ты помог мне вернуть билеты.

— Ты планируешь задержаться там на несколько дней?

— Думаю, это займет не больше недели. Я поговорю с моей мамой на месте.

— Окей, но если они к тебе будут плохо относиться, уходи, не принуждай себя.

— Плохо? Оо, как раз наоборот, — пока я говорила это, почувствовала себя немного спокойней, — не переживай, было гораздо хуже. Сейчас уже ничто не может меня сломить.

Завершив разговор с Пу Чжэном, я повернулась. Тот ребенок уже проснулся и сидел на краю кровати, обнимая подушку. Два огромных ярких черных глаза пристально уставились на меня.

<http://tl.rulate.ru/book/30369/1515514>